

Глава 17

Се Янь прикрыл за собой дверь и, бросив купленный завтрак на стол, направился к медицинской капсуле — проверить состояние Чу Шисяня.

Раны юноши были тяжелыми. Когда Се Янь привез его домой, тот находился в глубоком беспомоществе. К счастью, в квартире имелась современная медкапсула; Се Янь оставил в ней Чу Шисяня на всю ночь, а сам сидел рядом, не смыкая глаз, и лишь под самое утро выбрался за едой.

Войдя в комнату, Се Янь обнаружил, что капсула пуста. Чу Шисянь стоял у письменного стола и, низко склонив голову, застегивал на шее ошейник. На нем была рубашка Се Яня, из-под воротника которой виднелись свежие багровые отметины, тут же скрывшиеся под черной полосой устройства.

Услышав звук шагов, юноша вскинул алые глаза и, защелкивая замок, невозмутимо произнес:

— Доброе утро.

— Доброе, — отозвался Се Янь. Он подошел ближе, аккуратно отвел прядь волос с затылка юноши и ловко защелкнул оставшиеся два крепления. — И чего тебе не лежалось в капсуле? Обязательно было выходить ради этой игрушки?

— Боялся, что ты будешь беспокоиться, — Чу Шисянь протянул ему пульт управления. — Наверняка у тебя накопилось немало вопросов.

Се Янь подбросил пульт на ладони.

— Еще бы. Ну что, курсант Чу Шисянь, выберешь чистосердечное признание или предпочтешь допрос с пристрастием?

Чу Шисянь коротко кивнул на пульт:

— Можешь ударить меня током.

— Я не истязую раненых, — Се Янь небрежно отложил пульт в сторону и повел его в гостиную. — Раз уж проснулся, идем завтракать.

На столе ждал скромный набор из выпечки и молока. Чу Шисянь на мгновение замер.

— Это мне?

— А кому же еще? — Се Янь уселся напротив и пододвинул к нему тарелку. — Я же сказал: раненых не мучаю. Ты не ел больше суток.

Чу Шисянь поджал губы и, сев за стол, принялся за еду.

— Я подумал, что каша была бы кстати, но ее нигде не продавали, — Се Янь развел руками. — А сам я готовить не умею.

Юноша посмотрел на него со странным выражением:

— Даже кашу сварить не можешь?

— ...Нет.

— Рис и вода. В чем сложность?

Се Янь впервые в жизни почувствовал, что на него смотрят свысока.

— Вот как? Ну, раз всё так просто, я как-нибудь попробую.

Чу Шисянь нахмурился, погрузившись в раздумья.

— А что, если Бай Цзиньань вернет себе твой статус? Как ты тогда справишься? — он явно всерьез опасался, что Се Янь просто не выживет в одиночку, не умея даже прокормиться.

Не успел Се Янь ответить, как Чу Шисянь, словно придя к какому-то выводу, коснулся рукояти энергетического клинка на поясе и начал подниматься.

— Бай Цзиньань сейчас в поместье Се. Он в любой момент может раскрыть правду. Его нужно убить немедленно.

Се Янь тут же перехватил его за руку и усадил обратно, попутно всучив стакан молока.

— Дед на месте, как ты собираешься это повернуть? Сначала доешь.

Чу Шисянь посмотрел на стакан, из которого Се Янь уже отпил половину, колебался мгновение, но всё же сделал глоток.

— Тогда яд. Проведи меня на кухню семьи Се.

Се Янь на мгновение лишился дара речи.

— Мы что, главные злодеи в этой истории?

— Свалишь всю вину на меня. Тебе ничего не будет.

Беспомощно вздохнув, Се Янь решил заткнуть этот поток кровожадных мыслей:

— Не волнуйся, у меня есть план. Просто допей молоко.

Чу Шисянь послушно осушил стакан. На его обычно холодных, тонких губах остался белый след. Се Янь некоторое время замороженно наблюдал за ним, пока юноша привычным движением языка не слизал остатки.

Се Янь почувствовал необъяснимый укол сожаления. Поразмыслив, он заметил на столе второй, нетронутый стакан.

— Ой... кажется, я перепутал. Допивай и этот тоже.

Чу Шисянь: «...»

***

После завтрака, видя, что Чу Шисяню стало лучше, Се Янь положил перед ним два документа.

— Прости. Я приказал следить за тобой.

Чу Шисянь лишь слегка приподнял веки — очевидно, он и сам догадывался о чем-то подобном. Он бегло просмотрел бумаги. Несмотря на анонимность отчетов с черного рынка, суть была ясна: первый подтверждал родство Се Му и Бай Цзиньяня, второй — полностью отрицал связь Се Му с Се Янем.

Юноша нахмурился, искренне не понимая логики:

— Ты ведь уже знаешь, кто такой Бай Цзиньянь. Почему не остановишь его?

При нынешних возможностях Се Яня взять Бай Цзиньяня под контроль не составило бы труда.

Се Янь мягко улыбнулся:

— Наверное, я учитываю чувства.

Чу Шисянь на миг замер.

— Ты... так сильно любишь Бай Цзиньяня? — спустя долгую паузу спросил он приглушенным голосом.

— Что? — Се Янь легонько щелкнул его по кончику носа. — О чем ты только думаешь? Я говорю о чувствах Великого генерала.

Кончик носа юноши покраснел, он вскинул взгляд:

— Чувства... генерала Се?

— О, прогресс, ты учишься вежливости, — удовлетворенно кивнул Се Янь. — Старик был добр ко мне все эти годы. Наверное, он имеет право узнать своего настоящего внука.

Чу Шисянь ответил бесстрастно:

— Если ты ему не скажешь, у него и не возникнет нужды в «настоящем» внуке.

Се Янь с любопытством взглянул на него. Он заметил, что у Чу Шисяня крайне слабо развито чувство морали, а эмоции кажутся притупленными. Было ли это общей чертой скитальцев из радиационных зон? Но если так, почему он так одержим защитой одного-единственного человека?

— Почему я не помню, чтобы спасал тебя? — Се Янь задумчиво постучал пальцами по столу. — Чтобы ты так рисковал ради меня, это должно быть нечто значительное.

Се Янь был уверен, что никогда не посещал радиационные зоны, а в Тринадцатом районе в последний раз был почти десять лет назад.

Чу Шисянь едва заметно качнул головой:

— Просто мелочь.

— Хорошо, раз не хочешь говорить, — Се Янь пристально посмотрел на юношу и внезапно приподнял его за подбородок. — Тогда мне любопытно другое: на что ты готов пойти ради меня? Каков предел?

Чу Шисянь посмотрел прямо в его глаза — в это бездонное синее озеро.

— А на что ты хочешь, чтобы я пошел?

Се Янь медленно провел большим пальцем по его коже.

— Тебе, как альфе, не претит подобная провокация? Когда тебя вот так держат за подбородок?

Чу Шисянь ответил с искренним недоумением:

— Но ты ведь делал это уже много раз.

— ...

Чу Шисянь продолжал, даже не пытаясь высвободиться:

— Тебя не смущает, что касаться другого альфы, лизать его железу, использовать чужие колени, чтобы пережить период восприимчивости, и даже... пачкать его одежду — это куда большая провокация для альфы?

Се Янь на мгновение окаменел. Придя в себя, он тут же прижал большой палец к губам юноши, обрывая поток этих двусмысленных откровений.

— Достаточно. Я тебе верю. Верю, что ты готов ради меня на всё. Даже на... такое.

<http://bllate.org/book/15865/1435688>